

Два ахуна¹

Е. Ф. Дудакова

У моего отца Фёдора Измайловича Джемалетдинова (1921–1991), капитана-поисковика Тралового флота, ветерана Великой Отечественной войны, из документов сохранилась лишь одна довоенная фотография родных и метрика

Семья Джамалетдиновых: Верхний ряд: сыновья Кямиль (04.03.1925 г. Измаил – 1997 г. Анкара, Турция), Фёдор (05.06.1921 г. Севастополь – 27.11.1991 г. Мурманск), Мунир (12.12.1927 г. Гавро, Крым, живёт в Нью-Йорке). Нижний ряд: отец Измаил Закирович (1889 г. Николаев – 1946 г. Мюнхен, Германия), сын Сервер (1922 г. Севастополь – погиб в конце 1942 года под Мариуполем), мама Сайде Мустафаевна (1900 г. Гавро Таврической губернии, ныне д. Плотинная Автономная Республика Крым, Украина – 1975, г. Анкара, Турция).

с полными именами его родителей. В армию он был призван после окончания школы в Керчи в 1940 году, проходил службу на Черноморском флоте, во время войны здесь же служил в ЭПРОНе (Экспедиция подводных работ особого назначения) матросом, тяжёлым водолазом, минёром и подрывником. С родными он больше не встретился.

О семье, жившей в городах Крыма, он рассказывал очень скупой: во-первых, не принято было в то время говорить на подобную тему, во-вторых, сам мало чего знал. Был уверен, что родные погибли во время Великой Отечественной войны – один из братьев расстрелян фашистами под Сталинградом, а родители с двумя младшими братьями утонули на одной из барж в Керченском проливе, когда фашисты в конце 1943 года депортировали население Керчи в Германию. Других близких родственников у него не было.

В 1991 году, когда папы не стало, мы получили письмо от его братьев. Оказалось, что они выжили (из пяти барж три действительно затонули, подорвавшись на минах, которыми буквально кишело Чёрное море), прошли плен, после войны вынужденно оказались вместе с мамой (моей бабушкой) в Турции (им трижды отказывали в возвращении на Родину, в Германии после всех страданий оставаться было невозможно, дедушка умер в 1946 году, и семья приняла решение уехать в Турцию, поскольку язык схож с татарским). Всю жизнь братья пытались разыскать своего старшего брата – моего папу и...опоздали всего на несколько дней: их письма 1991 году уже не застали его в живых.

В 1992 году по приглашению одного из братьев я оказалась в Анкаре, и он хоть немного пролил свет на историю семьи. Дядя, в частности, рассказал, что мои дедушка и прадед были муллами Черноморского флота, потомственными почётными гражданами. От него я получила фотографии дедушки, бабушки и обоих братьев 40-х годов.

Своей родословной я занимаюсь уже несколько лет. Много интересного узнала о своих корнях. Что же касается Джемалетдиновых, то на запросы, посланные в архивы, приходили большей частью отрицательные ответы. И лишь после того, как по совету председателя нашего Мурманского родословного общества Игоря Владимировича Бронникова, я немного изменила фамилию, набрав в поисковой системе Интернета слова «мулла Замалетдинов», стала получать ссылки на документы, которые, как я предполагала,

относились к моим предкам – прадеду Закиру и деду Исмаилу.

Летом 2009 года я получила из архива г. Симферополя личный листок по учёту кадров, написанный дедом в июле 1941 года, а осенью пришли документы из Российского Государственного Архива военно-морского флота (РГАВМФ) г. Санкт-Петербурга, которые полностью подтвердили мои предположения. Согласно им, мои предки ахуны Черноморского флота Мухаммед Закир Замалетдинов и Исмаил Закирович Замалетдинов действительно являются отцом и сыном.

А почерковедческая экспертиза документов 1915, 1917 годов (подписаны И. З. Замалетдиновым) и 1941 года (подписаны И. З. Джемалетдиновым), проведенная в ГУ «Мурманская лаборатория судебной экспертизы», доказала, что все эти документы написаны одним и тем же человеком², то есть дед, в силу каких-то причин изменил свою фамилию.

К сожалению, не всё удалось выяснить в биографии моих прадеда и деда, но, благодаря документам и семейному преданию (письма младших братьев отца), их жизненный путь проследить удалось.

Мой прадед **Мухаммед Закир Замалетдинов** родился в деревне Новые Челны Казанской губернии, Спасского уезда, волости Базарные Матаки.

Предполагаю, что образование, как и большинство татар России и Крыма, он получил в Турции, поскольку татарских средних школ до революции в стране почти не было.

В статье «Магометанская мечеть в г. Николаеве»³ говорится о том, что в то время, когда Черноморский флот базировался в г. Николаеве, *“духовные требы в мечети с 1882 года исполнял имам Замалетдинов, состоявший в штате Николаевского порта”*.

По ходатайству Оренбургского магометанского духовного собрания, в ведении которого находилась мечеть, Николаевский военный губернатор приказом от 5 июня 1891 года за № 1847 утвердил военно-магометанского има-

ма города Николаева Мухаммед Закира Замалетдинова *“в уважение особых забот о благоустройстве мечети и магометанского кладбища”*⁴ в звании ахуна. Командиром Черноморского флотского экипажа дана следующая характеристика имаму: *“во всех отношениях хороший человек”*.

Кроме обязанностей ахуна прадед исполнял обязанности учителя воскресной школы, которая была при любой мечети. В автобиографии и личном листке по учёту кадров моего деда указано, что его отец был муллой⁵ и учителем⁶.

“С переводом в 1894 году Черноморского флота в г. Севастополь должность магометанского имама при Николаевском порте была упразднена, ахун Замалетдинов был переведён в г. Севастополь для исполнения обязанностей имама”.

Семья Закира Замалетдинова переехала в Севастополь и жила на ул. Объездной, дом № 4, кв. 2. Семья была небольшая: жена, единственный сын Исмаил и, возможно, дочь. Но родственников было много, в основном, они жили в Одессе, Николаеве, Санкт-Петербурге.

Согласно семейному преданию, один из его братьев был офицером на миноносце «Бедовый», который участвовал в Цусимском сражении; второй его брат имел ресторан на Восточном экспрессе⁷, среди других родственников даже была оперная певица⁸.

В эти годы в городе мечети не было. До Крымской войны для удовлетворения религиозных нужд мусульман в Севастополе действовала мечеть, но после окончания войны, её восстанавливать не стали, по мнению губернатора, из-за *“незначительности населения города”*. На 1 января 1866 года население города состояло из 10 074 человек, среди которых было 136 мусульман, в 1900 году из 63 117 человек уже было 1 600 мусульман. Мусульманское община обратилось в городскую управу с просьбой выделить земельный участок под строительство мечети. Участок был выделен на ул. Очаковской, 26 (ныне ул. Кулакова, 31), началось строительство. 20 апреля 1914 года произошло торжественное открытие Севастопольской мечети. Она имела

двойной статус: была гражданской и военной одновременно. Муллой гражданского населения был назначен Юсуф Измаилович Рахимов, ахунот Черноморского флота – Мухаммед Закир Замалетдинов. При мечети действовала мусульманская школа и общество пособия бедным мусульманам⁹.

Но, прослужил прадед в мечети недолго: 6 июля 1915 года его не стало. Был похоронён 7 июля в 5 часов вечера на кладбище «Магометанский город»¹⁰.

Мой прадед Мухамед Закир Замалетдинов был верен клятвенному обещанию, которое давали мусульманские священнослужители: *“...законному Его Императорского Величества Всероссийского престола Наследнику верно и нелицемерно служить и во всем повиноваться, не щадя живота своего до последней капли крови...стараться споспешествовать всё, что Его Императорского Величества верной службе и пользе Государственной во всяких случаях касаться может...и положенный на мне чин...надлежащим образом по совести своей исправлять и для своей корысти, свойства, дружбы и вражды противно должности своей и присяге не поступать, и таким образом поступать как верному Его Императорского Величества подданному благопристойно есть и надлежит и как я пред Богом и судом Его страшным в том всегда ответ дать могу; как сущее мне Господь Бог душевно и телесно да поможет...”*¹¹

В письме начальника Штаба Черноморского Флота от 5 сентября 1915 года после кончины Закира Замалетдинова говорится: *“...прослужив в должности военно-морского ахуна более 30-ти лет, он всегда отличался полной преданностью Престолу и Отечеству”*¹²

Ещё в феврале 1909 года Морскому Министру был представлен Рапорт Командира Севастопольского порта Капитана 1 ранга Маньковского: *“...усердно прошу ходатайства Вашего Превосходительства о награждении ахуна Мухамед Закира Замалетдинова званием Потомственного Почетного Гражданина”*¹³.

Ахун Замалетдинов приносит пользу в насаждении и укреплении понятий долгу службы присяги между нижними чинами магометанами и результаты эти сказались в 1905 году в дни мятежа, когда не было замечено среди магометан ни одного случая измены долгу службы, за что ахун удостоился Высочайшей благодарности.

*Так как ахун Замалетдинов и теперь продолжает неутомимую свою деятельность, то считаю своим долгом просить о награждении его согласно пункту 6 правил о наградах, дабы было памятным и для его потомства, о честной и верноподданнической его службе Государю Императору в течение 26 лет по Морскому ведомству”*¹⁴.

6 декабря 1909 года в Главный Морской Штаб поступило письмо из Министерства Внутренних Дел, Департамента Духовных Дел иностранных исповеданий: *“По всеподданнейшему докладу Г. Министра Внутренних Дел, в 6-й день сего декабря, последовало Высочайшее соизволение на пожалование военно-морскому ахуну Севастопольского порта и гарнизона Мухамеду Замалетдинову звания потомственного почётного гражданина...”*¹⁵

Согласно семейному преданию у моего прадеда однажды произошла встреча с султаном Османской империи. Это было в 1897 году, когда он привёз своего сына Измаила на учёбу в Турцию. Отец хотел определить его в одну из престижных школ-интернатов, но ему по какой-то причине было отказано. Прадед отправился во дворец Топкапи¹⁶ за разрешением к султану. Он беспрепятственно прошёл через двое ворот дворца. Охрана почему-то не остановила высокого статного муллу с белой чалмой на голове, в длинном до земли, расшитом золотом камзоле и распашном халате. Во дворе перед Дворцом он увидел господина, который поинтересовался у него, кого он хочет увидеть. Закир сказал, что хотел бы встретиться с султаном. Господин махнул рукой в сторону дворца и сказал, что для встречи с султаном надо пройти в голубой зал на втором этаже.

Когда же Закир нашёл этот зал, в нём никого, кроме господина, с которым он только что беседовал, не оказа-

лось. Прадед догадался, что перед ним сам султан Абдул-Хамид¹⁷. Он низко ему поклонился и представился: «Я ахун Черноморского флота Мухамед Закир Замалетдинов». «Ты Закир? Тот самый знаменитый Закир?» – воскликнул султан. На что прадед ответил: «Я не знаю, что я знаменитый, но знаю, что я - Закир!» Они оба засмеялись. Затем прадедушка изложил свою просьбу. Султан выдал ему справку, заверенную сургучом, а при прощании спросил: «Голубчик, могу ли я спросить, как Вам удалось пройти во дворец, минуя стражу?» Закир ответил: «Многоуважаемый султан, это только я и Бог знаем!»

Мой дед **Исмаил Закирович Замалетдинов**, потомственный почётный гражданин родился 20 октября 1885 года в г. Николаеве Херсонской области.

В своей биографии¹⁸ в 1941 году он пишет, что начальное образование он получил в начальной школе в г. Бахчисарае, а потом в 1897 году его родители отправили на учёбу в Турцию, то есть ему было 12 лет. Оба мои дяди утверждают, что он учился в одной и той же школе с шести лет вплоть до университета. Возможно, Исмаил действительно посещал начальную школу в г. Бахчисарае, а потом отец отвёз его на учёбу в Турцию.

В той школе, в которой, как я предполагаю, учился мой дед, срок обучения был установлен в пять лет, но с учётом слабой начальной подготовки поступающих, для детей в возрасте 9-13 лет бы-

Исмаил Закирович Замалетдинов
(Джамалетдинов)

ли предусмотрены трёхлетние подготовительные классы. Так что вполне он мог начать в ней учебу как с 12 лет, так и раньше, и, пройдя три года предварительных курсов и пяти-летнее обязательное обучение, продолжить обучение в вузе.

В Стамбул они прибыли на пароходе «Олег», который курсировал между Севастополем и Стамбулом. Вот как об этом пишет в своих воспоминаниях ровесник моего деда, известный общественный деятель из крымских татар Джафар Сейдамет Крымэр (1889-1960): *«Я никогда не забывал названия этого парохода. Он каждую неделю исправно курсировал между Крымом и Стамбулом. Все крымские студенты, которые учились в Стамбуле, с нетерпением ждали его каждую неделю. На этом пароходе всегда прибывали мелкие коммерсанты, ведя небольшую торговлю меж Крымом и Стамбулом. Они привозили нам вести из дома, из нашего отечества.»*

На подходе к Стамбулу я услышал фразу: «Уже пролив показался». В волнении я вскарабкался по веревочной лестнице на мачту, стараясь оглядеть с высоты и пролив, и город. Пролит, мечети по берегам, высокие минареты, множество лодок, фески – все это было для меня таким новым”.

Наверное, схожие чувства испытывал и маленький Исмаил.

Самой престижной школой-интернатом была в то время Дворцовая имперская Султанская школа в Галатасарае¹⁹, получивший свое название по месту своего нахождения в Стамбуле рядом с султанским дворцом. Предполагаю, что именно в эту школу прадед хотел определить сына. В памяти моего младшего из дядей остались такие частности, о которых, ему мог говорить только отец. Причем, школу эту он называет «дарушшафака», имея в виду имя собственное. Но, в воспоминаниях Джафара Сейдамета это слово обозначает «школа-интернат», «школа-пансион».

Дядя вспоминает, что, во-первых, в школе был очень строгий режим – детей отпускали за пределы двора один раз в неделю по субботам и на короткие каникулы. Во-вторых,

школа была обнесена высоким забором, чтобы ученики не могли улизнуть из неё. И, в-третьих, занятия велись на французском и турецком языках. По всем параметрам из всех школ, которые на то время существовали в Стамбуле, подходит только Султанская школа (эта школа со дня своего основания отличалась строгостью – на протяжении сотен лет в ней обучались янычары²⁰). Ну, и наконец, четвёртый аргумент – семейное предание. Ведь, согласно ему, прадед ходил просить за сына к самому султану.

Но мальчика в школу с первого раза не взяли. В ней существовал регламент – 600 человек (поровну мусульман и немусульман). Возможно, отец с сыном приехали уже после набора учащихся и получили отказ. Вот тогда-то прадедушка и решил на встречу с султаном.

После окончания школы выпускник мог без экзаменов поступить в любой университет Франции. Подтверждения тому, что дед учился Париже, нет ни в одном документе, но французским языком он владел и в Париже бывал, судя по воспоминаниям сыновей. В письме дядя пишет, что отец после школы работал во французской телеграфной фирме в Стамбуле, когда он приезжал домой, его называли «Истанбул эфенди» – стамбульский господин. Всего этого он, конечно, не отметил в своём личном деле. В своей биографии дед пишет, что он два года учился в вузе г. Стамбула²¹, а затем в 1908 году в возрасте 23 лет вернулся в Крым. Что побудило его приехать к родителям, недоучившись, остаётся неизвестным²². А, может быть, он всё же прошел весь курс обучения, а в биографии написал иначе.

С 1909 по 1915 годы Измаил Замалетдинов работал учителем в татарских школах городов Астрахань и Евпатория.

Далее, как написано в биографии, с 1915 до 1923 года был завучем и учителем татарской школы г. Симферополя. Это неверно. За эти непростые годы произошли глобальные события, которые круто изменили историю всей страны, повлияли на жизнь каждой семьи. Именно эти события вынудили моего деда изменить фамилию и лишили профессии.

В 1915 году умирает мой прадед, и Измаил пишет прошение Главному Командиру Севастопольского Порты: *“Честь имею покорнейше просить Ваше Высокопревосходительство о предоставлении мне должности на место умершего отца моего Закира Замалетдинова, военноморского ахуна, которую занимал мой покойный отец Закир Замалетдинов около²³ тридцати лет.*

При этом присовокупляю, что в настоящее время состою на должности учителя магометанской школы в гор. Евпатории, а раньше состоял таким же вероучителем в гор. Астрахани и на Кавказе. Покорнейше просит И. Замалетдинов”²⁴.

Сначала он проходит испытание на пригодность занимаемой должности. В Свидетельстве от 5 августа 1915 года написано: *“Указу Его Императорского Величества дано сие свидетельство из Таврического Магометанского Духовного правления потомственному почетному гражданину Измаилу Закировичу Замалетдинову в том, что он по испытании Членами Духовного Правления, произведенному в Присутствии Правления 5 августа 1915 года, к занятию должности магометанского муллы (имама) оказался способным”²⁵.*

11 августа следует рапорт главного командира Севастопольского порта Командующему Черноморским флотом, в котором говорится, что *“...вследствие ходатайства сына умершего бывшего ахуна Закира Замалетдинова о предоставлении ему вакантной должности военноморского ахуна, ходатайствуя пред вашим Высокопревосходительством о назначении его на вышеупомянутую должность”²⁶.* На документе имеется резолюция, написанная карандашом: *“Доложить со справкою, какие требуются для сего условия, и удовлетворяет ли проситель требованиям, не исключая преданности России”.*

Далее следует проверка на благонадёжность. В уведомлении Начальника Севастопольского Жандармского управления от 21 августа 1915 года написано, что *“в означенном Управлении неблагоприятных в политическом отношении сведений нет...”²⁷.*

Затем выходит приказ № 625 главного командира Севастопольского порта: *“22 сентября 1915 года. Потомственный почетный гражданин мулла Измаил Замалетдинов допускается к исполнению должности магометанского имама по исправлению духовных треб для нижних чинов Черноморского флота магометанского вероисповедания. Подписал: вице-адмирал Маньковский”*²⁸.

24 ноября 1915 года Измаил Замалетдинов был приведён к присяге на верность службе²⁹ и дал, как в свое время его отец, Клятвенное Обещание.

Во всех архивных документах должности прадеда и деда чиновники называют по-разному, то мулла, то имам. Это происходило потому, что в Российской империи официальные власти не всегда видели существенную разницу между муллой и имамом.

В 1917 году происходят революционные события. Как пишут в своей статье А. Г. Зарубин и В. Г. Зарубин «1918 год в Крыму: большевики приходят к власти»³⁰. «Итак, летом-осенью 1917 года страна проскочила узловую станцию, где ещё можно было сделать выбор; локомотив истории, набирая скорость, отбросил в стороны прогнозы, планы, желания и иллюзии миллионов. Впереди были неведомые полустанки Гражданской войны во всей её многоликости. В эту кровавую круговерть был втянут и Крым. Беспрецедентное число действующих лиц, их порой не слишком определённые интересы и позиции, взаимоотношения между ними, менявшиеся, как погода на полуострове, настолько усложняли смысл происходившего, что в нём запутались современники, да и мы с трудом можем – если можем – разобраться спустя без малого девяносто лет...

В Крыму начинается террор. Во всех городах лилась кровь, свирепствовали банды матросов, шёл повальный грабёж, словом, создалась та совершенно кошмарная обстановка потока и разграбления, когда обыватель стал объектом перманентного грабежа...» В одной из статей о событиях в Крыму говорится: «Славный 1917 год был полон драматических событий. Впереди был трагический 1918 год...»

В городе Севастополе создаётся мусульманский комитет, в который вошёл и ахун Измаил Замалетдинов. 23 февраля 1918 года *“по заявлениям братьев Тургаевых «о реакционном поведении» были арестованы члены Севастопольского мусульманского комитета Ш. А. Девятов, Умеров и военный мулла И. З. Замалетдинов, но следствие доказало их невиновность, и 22 марта дело было прекращено”*³¹.

До ареста или после, но в этом трагическом году дедушка женился на молоденькой 18-летней княгине Сайде Балатуковой, отец которой – князь Мустафа – бей Балатуков (мой прадед) владел поместьем в деревне Гавро (ныне с. Плотинное). После ареста (а дядя пишет, что их было два, и оба раза его отпускали), дабы избежать дальнейших репрессий, молодые укрылись в деревне (дяди вспоминали в своих письмах, как в самые тяжёлые времена в 20 – 30-е годы, родители с четырьмя сыновьями тайно, чаще ночью перебиралась в деревню, чтобы там пережить опасный период. Для мальчишек же это были самые беззаботные и счастливые дни)³².

По горькой иронии судьбы в страшном феврале 1918 года был арестован брат бабушки Хуссейн Балатуков.

«Усеин Бо(а)латуков (? – 1918). Из аристократической семьи. Получил высшее образование в Париже. Служил офицером. С 1918 года – в отставке. Драматург, режиссёр, поэт, сотрудник газеты «Миллет». В 1917 году в издательстве одноименной газеты «Къырым Оджагы» («Крымский очаг») вышла трёхактная пьеса Болатукова «Айше ханы (у)м». «Пьеса Усеина Болатукова «Айше ханум» явилась первым произведением в крымскотатарской литературе, полнокровно отразившим жизнь и взгляды крымских мурз» (Керимова С. *Страницы истории крымскотатарского довоенного театра и драматургии*. – Симферополь. 2002.-с. 143). Фразу «Дальнейшая судьба его (Болатукова) неизвестна» (там же – с. 136) оставляем на совести автора. Достаточно было заглянуть в крымские архивы или опубликованную в одном из ведущих исторических журналов России статью А. Г. Зарубина «...Курултай имеет в виду не одних

лишь татар... К биографии Ч. Челебиева». – с. 301 (или, если это не было сделано, внести корректность: «нам не известна»), чтобы удостовериться: Болатуков был казнён в февральские дни 1918 года как «контрреволюционер» (Картотека ГААРК)³³.

По семейному преданию, Хусейн носил на шее миниатюрное издание Корана в золотой рамке. После расстрела этот Коран попал в воду. Его подобрал один цыган, который, увидев на нем имя «Хусейн бей Балатуков», принёс его в семью Мустафы-бея. Расстрельные списки публиковались в газетах. Две недели родные не только не давали Мустафе-бею газет, но и боялись говорить о смерти сына. Когда скрывать стало невозможно, ему на рабочий стол, ничего не говоря, положили газету со страшным известием и Коран, никто не решался сказать, что Хусейн убит. Долгое время в кабинете было тихо. Когда открыли дверь, голова Мустафы-бея лежала на газете, а сам он был мёртв. Ему было всего 46 лет. Его похоронили в Гавро.

Церкви и мечети закрывались, революционно настроенным массам, тем более морякам, нужны были другие наставники. Кроме того, как пишут историки, шло планомерное истребление народов Крыма. Видимо, арест, смерть близких людей и потеря дедом своей работы привели молодую пару к решению сменить фамилию. Это было связано с вполне понятным и простительным желанием сохранить семью и оградить её от последующих неприятностей. В тяжёлые времена так поступали многие.

Где и кем работал дедушка до 1923 года неизвестно. Но в метрике моего отца, первого ребёнка в семье, родившегося в 1921 году, в графе «*род занятий отца*» написано «художник». У него действительно был талант к рисованию, который потом очень пригодился ему в жизни. Кстати, здесь же он указывает местом своего рождения деревню в Казанской губернии, в которой родился его отец, а не г. Николаев, к тому же, на всякий случай, неправильно указал год своего рождения. Причина этому была та же, что и смена фамилии.

Далее, все, что дедушка пишет в своей биографии от 1941 года (а в ней, он верно указывает местом своего рождения г. Николаев), соответствует действительности.

С 1923 по 1927 годы он был директором и учителем школы II ступени в г. Симферополе.

В газете «Ленин байрагы» («Ленинское знамя») ³⁴ от 21 июля 1990 года в статье «Первая образцовая крымско-татарская школа» автор выпускник школы Сейтумер Османов ³⁵ пишет: «Наша школа была школой опыта, практики, в будущем она должна была стать образцом средних школ... очень образованный и культурный Измаил Джемалетдинов был директором школы... Измаил Джемалетдинов в течение нескольких лет работал директором нашей школы. Все его очень уважали. В своей деятельности огромное влияние он уделял самоуправлению учащихся, воспитательной роли комсомольской организации. Когда он работал в школе, у нас царил порядок, на очень высокий уровень были поставлены принципы демократии и организаторской деятельности. В 1927 году в школу пришёл новый директор. Мне до сих пор не ясно, и остается тайной, куда и почему исчез Джемалетдинов. Джемалетдинов учился в Турции, якобы, поэтому его освободили от работы, вот такие слухи я тогда слышал. Во всяком случае, о его судьбе никакой информации не было. В те времена люди неизвестно куда-то исчезали...». По словам дяди, в дедушке кто-то узнал бывшего муллу. Не известно, был ли донос. Или, не дожидаясь его, семья вновь укрылась в Гавро, где с 1927 по 1931 годы, как написано в биографии, Измаил Закирович работал заведующим и учителем татарской школы.

С 1931 по 1943 годы семья жила в г. Керчи в доме по ул. Крупской № 29а. Дед работал учителем в школах города (школа фабрично-заводского училища, школах им. Войкова и им. Сталина, татарская средняя школа № 19 и ремесленном училище № 1). Эти годы Измаил Закирович, бывший ахун военно-морского Черноморского флота, специалист тюркско-турецких языков и истории тюркских народов вместо своей специальности давал детям уроки рисования и

черчения, которыми он в свое время занимался как любитель. Но это не озлобило его, он продолжал оставаться культурным, мудрым, интеллигентным человеком. Его очень уважали учителя школ Керчи.

В 60-е годы наша семья в течение ряда лет ездила в отпуск в Керчь. Папа неоднократно навещал там своих учительниц по школе № 1 им. Желябова. Все эти древние, на мой взгляд, восьмилетней девочки, старушки восторженно вспоминали деда, его большие чертёжные угольники и циркуль, с которыми он ходил на уроки, какие-то случаи из жизни (мне бы их запомнить!) и, наклоняясь ко мне, неизменно заканчивали фразой: *“Твой дедушка, был замечательный человек!”*

В июне 1941 года началась Великая Отечественная война. В июле этого года дедушка был уволен по сокращению штатов, имея за плечами педагогический стаж 33 года.

К этому моменту в Керчи остались Измаил Закирович с женой и младшим сыном³⁶.

Фашисты проводили в Керчи жестокий террор, в городе и пригородах они уничтожили 15 тыс. советских военнопленных. Ещё в октябре – ноябре 1943 года немецко-фашистские войска провели насильственную эвакуацию населения Керчи. За время оккупации Керчи фашисты угнали в Германию более 14 тысяч человек. Укрыться в деревне было невозможно, так как фашисты и местные полицаи были и в её окрестностях.

Семью Джемалетдиновых вместе с другими погрузили на баржи и повезли в Одессу, оттуда пешком или в переполненных людьми вагонах угнали в Германию. Дяди вспоминают как было страшно: бомбёжки, голод, трупы... Дважды младший дядя терялся во время этапов, дедушка, пойдя за горячей водой, отстал от поезда.... Удивительно, что во всей этой неразберихе, сумятице и бесконечной веренице страшных дней, они ещё находили друг друга.

В Германии все работали на промышленных предприятиях Дрездена и Мюнхена *“буквально как рабы по 12 часов в сутки. Места, где мы жили, несколько раз подвергались*

бомбардировке (в Дрездене мы пришли с работы, а наш дом полностью разрушен), так что мы лишились и того малого барахла, которое сумели захватить с собой. Но мама, каким-то чудом сумела спрятать и сохранить последние фотографии Фуада (так папу называли в семье) и Сервера”, – писал в своём письме дядя. Мне не известно, служил ли дедушка на заводах службы, помимо физической работы, но знаю (по воспоминаниям дядей), что фашисты способствовали проведению богослужений для представителей всех конфессий.

В 1946 году в Мюнхене Измаил Закирович попал в больницу с сердечным приступом. 3 марта он скончался. Ему был всего 61 год.

О людях судят по их отношению к слабым и животным. Всю жизнь Измаил Закирович работал с детьми, которые его любили и ценили. Дядя же вспоминал случай, который произошёл в конце тридцатых годов в Керчи. Однажды кто-то выбросил крошечных котят в сухой колодез. Они пищали всю ночь. А рано утром Измаил Закирович взял картонку, к уголкам которой прикрепил тонкую бечевку, полил картонку молоком, положил мелко крошенное сырое мясо и вместе с сыновьями отправился к колодезю. Соседи высыпали на улицу и, глядя на отца с идущими за ним «гуськом» сыновьями, улыбаясь, говорили: *“Учитель Джемалетдинов со своими сыновьями идет спасать котят”*. Понятно, что старших сыновей он взял на случай, если придется лезть в колодез. Но всё обошлось, приманка сработала, всех четверых котят удалось поднять наверх, и их тут же разобрали соседи.

Много ещё неизвестно о жизни моих предков, но самое главное узнать удалось. Как написал в характеристике моему прадеду Командир Черноморского флотского экипажа *“во всех отношениях хороший человек”*. Это в равной степени можно отнести и к деду.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Ахун – военно-морской мулла

2. Акт экспертного исследования № 1369/01 от 10 декабря 2009 года.

3. Мельникова М. А. Магометанская мечеть в г. Николаеве. Сайт Державний архів Миколаївської області (Государственный архив Николаевской области) Ф-229, оп. 1, д. 6, л. 9. <http://archiv.mk.ua/public/melnik/10.php>.

4. См.: там же: “1 апреля 1880 года Николаевская городская Дума приняла решение о закрытии старого татарского кладбища (из-за расположенности на склоне крутого, изрезанного оврагами берега Ингула существовала возможность при сильных стоках дождевой или талой воды снесения гробов в реку) и отводе места размером 50х25 сажень под новое, расположенное рядом с еврейским и караимским кладбищами. Благодаря ходатайству имама расходы на постройку каменной ограды вокруг старого татарского кладбища были внесены городской Думой в смету расходов на 1884 год” (ДАМО, Ф-216, оп. 1, д. 505; Ф-230, оп. 1, д. 12623).

5. Мусульманское военное духовенство делилось на следующие категории: ахун, мулла, имам, муэдзин. Самой привилегированной группой являлись **ахуны** – от персидского «наставник», духовный сан у мусульман, стоящий выше муллы. То мусульманское духовное лицо, состоявшее в военном ведомстве Российской империи, не моложе 25-ти лет, получившее религиозное образование и руководившее военными муллами и муэдзинами в пределах крупного города или округа. Ахун утверждался в звании через Министерство внутренних дел, Оренбургское духовное магометанское собрание и военное ведомство.

Мулла (от перс. «господин, повелитель, владыка»), знаток мусульманского ритуала, служитель культа, учитель религиозной школы, грамотный, учёный человек, как правило, имеющий специальное, часто высшее, образование. В Российской империи мулла был приравнен к священнику, его статус определялся государственными постановлениями, а деятельность контролировалась чиновниками, он назначался специальным указом, и состоял обычно при конкретной мечети.

Имам – духовный руководитель, глава мусульманской общины. Имам не является ни саном, ни профессией. Для того, чтобы быть имамом, достаточно иметь элементарное теологическое образование и пользоваться авторитетом в округе. Функции имама и муллы схожи, но мулла – это всегда имам, но не каждый имам – мулла. Имамом может быть любой мусульманин, знающий обряд намаза (молитвы), а мулла должен иметь религиозное

образование, так как его обязанности не ограничиваются ведением намаза. Ценз для обеих категорий – не моложе 22-х лет.

Муэдзин (араб. муаззин) – человек, призывающий на молитву.

6. ГАРК, Ф. № Р-20, оп. 9, д. 169.

7. Восточный экспресс (фр. Orient-Express) — пассажирский поезд класса «люкс» частной компании Orient-Express Hotels, курсирующий между Парижем и Стамбулом с 1883 года.

8. По семейному преданию: данные требуют подтверждения.

9. Мечеть действовала до 1938 года. В годы Великой Отечественной войны здание сильно пострадало. Минарет сохранился, но был снесён в 1948 году. Отремонтированное здание было переоборудовано под архив Черноморского флота. С 1992 года мусульманская община проводит службы в здании.

10. РГАВМФ, Ф. 920, оп. 7, д. 578, л.30. Докладная записка имама Ю. Рахимова в Военно-морской штаб Севастопольского порта от 6 июля 1915 года.

11. РГАВМФ, Ф. 920, оп. 7, д. 578, л.74. Клятвенное обещание Измаила Замалетдинова от 24 ноября 1915 года.

12. РГАВМФ Ф. 920, оп. 7, д. 578, л.53 об.

13. Почётные граждане – особый привилегированный класс городских обывателей. Историческим предшественником почётного гражданства являлось сословие именитых граждан, выделенное Екатериной II в Жалованной грамоте 1785 года. Они были свободны от телесного наказания; им дозволялось иметь сады, загородные дворы, ездить в карете парой и четвернёю, не запрещалось заводить и содержать фабрики, заводы, всякие морские и речные суда. В 1827 году министра финансов Е. Ф. Канкрин вышел с представлением об установлении особого почётного гражданства, что и было осуществлено манифестом 10 апреля 1832 года. Почётное гражданство было двух родов: личное, распространявшееся только на данное лицо и его жену, и потомственное, принадлежавшее всем нисходящим членам семьи. Статистика 1910–1912 годов дает численность почётных граждан с членами семей 372400 человек (0,5 % населения), из них потомственных – 197300 человек. Звание Почётный гражданин было упразднено декретом ВЦИК и СНК от 11 (24) ноября 1917 «Об

КЛЯТВЕННОЕ ОБЪЯВЛЕНИЕ

Я, нижепоименованный обещаюсь и клянусь Всемогущим Богомъ, Великимъ его Пророкомъ Магомедомъ и четырьмя Священными книгами: Тавратъ, Зебуръ, Инджель и Коранъ въ томъ, что хочу и долженъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ, своему истинному и природному ВСЕМИЛОСТИВЪЙШЕМУ ВЕЛИКОМУ ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ НИКОЛАЮ АЛЕКСАНДРОВИЧУ САМОДЕРЖЦУ ВСЕРОССИЙСКОМУ и законному ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА Всероссийскаго престола НАСЛѢДНИКУ вѣрно и вѣлечемиро служить и во всемъ повиноваться, не шадя живота своего до последней капли крови, и всѣмъ къ высокому ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА Самодержавству, силѣ и власти принадлежащія права и преимущества, узаконенныя и впредь узаконяемыя, по крайнему разумѣнію силъ и возможности предостерегать и оборонять и притомъ по крайней мѣрѣ стараться способствовать все, что ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА ЕМУСЛУЖБѣ и пользѣ Государственной во всякихъ случаяхъ касаться можетъ, о ущербѣ же ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА интереса, вредѣ и убыткѣ, какъ скоро о томъ увѣдаю не токмо своевременно объявлять но и всякими мѣрами отвращать и не допускать тшатися и всякую вверенную тайну строго хранить буду и псвѣренный и положенный на мнѣ чинъ, какъ по сей (генеральной такъ и по особливо определенной и отъ времени до времени ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА именемъ отъ предуставленныхъ надо мною начальниковъ определяемыхъ инструкціямъ и регламентамъ и указамъ, надлежащимъ образомъ по совѣсти своей исправлять и для своей корысти, свойства, дружбы и вражды противно должности своей и присяги не поступать, и такимъ образомъ себя вести и поступать, какъ вѣрному ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА подданному благоприсойно есть и надлежитъ и какъ я предъ Богомъ и судомъ Его страшнымъ въ томъ всегда отвѣтъ дать могу; какъ суще мнѣ Господь Богъ душевно и тѣлесно да помогать. Въ заключеніе же сей моей клятвы цѣлую слова Корана Аминь.

1915 года Ноябрь 24 дня, изъ руки принявшего

يمين نامه

بنکه آشاغیده اعضاء اولان حضور رب تعالیه و حق یغیر محمد مصطفی ده قرآن عظیم الشان ایله یمین ایدرمکه بادشاهم و حقیقی حکمدارم اولان جمله روسیه نیک بویورجسی شوکتناو ایدمراطور نیکولای آلکساندرویچ و جممله روسیه نیک ولی عهدی شوکتلو اولوغ کنارنا سالدنیک حضراتنه دوغری خدمت ایدمکه و پادشاهمک امرینه اطاعت ایدوب صوک نسیمه قدر قائم و جانم ایله خدمت ایدمکه و پادشاهمک هر حالده قائده سینه چالیشهرقی فرمانلرینه اطاعت ایدمکه و پادشاهمک و پادشاهلغک قائده لرینی کوزه توب ضرر لرینک دفعنه چالیشاغیم و ضرر لی ایش طویسام محلنه خبر ویردیمک و بکا امانت اولان کزلی سوزلری و سرلری هیچ کیمسه یه بیلدیرمیوب بو جهتده و سائر ویریله جک جهتده بوبک ضابطلره اطاعت ایدوب نفسمه و دوستلغمه و دو شمنلغمه باقیموب عقلم کسیدیکی قدر صادقانه خدمتده بولونمجه و جانم صاغ اولدقجه حضرت امپراطورک صادق بنده سینه لایق صورتده حرکت و عمل ایدوب جناب حق تعالی یه محضر کوننده جواب ویرمه یوزمز اولمسه غیرت ایدمکه بویورجسی عظیم الشانی بوس ایدوب جناب حق عنایت بیورمه سنی رجا ایدویورم. آمین.

уничтожении сословий и гражданских чинов». В СССР звание «Почётный гражданин города» стали вводить в 1960-е года.

14. РГВМФ, Ф. 417, оп. 5, д. 3122, л. 1.

15. РГВМФ, Ф. 417, оп. 5, д. 3122, л. 14.

16. Дворец Топкапи служил административным центром Османской империи с 1465 по 1853 годы. Дворец состоит из многочисленных зданий и окружён четырьмя дворами. Чтобы попасть во Дворец нужно пройти главные Императорские ворота и огромные Ворота Приветствий.

17. Абдул-Хамид II (1842-1918) – 34-й султан Османской империи, правил в 1876-1909 годах.

18. Свою биографию и личный листок по учёту кадров он заполнял в июле 1941 года для устройства на работу. Это можно объяснить тем, что мало кто верил, будто война продлится долго. Из Мурманска, например, люди эвакуировались без тёплых вещей, надеясь вернуться через 2-3 месяца после окончания военных действий.

Эти документы изобилуют неточностями и недомолвками. Так, он не указывает имени своих родителей, лишь годы их кончины – 1911 и 1915 годы, правда, пишет, что отец был учителем и муллой. Не указывает имени своей жены, возможно, опасался, что узнают о её княжеском происхождении. Скромно пишет, что учиться в Турцию его отправили родители, будто не по своей воле. Что учился два года в вузе Стамбула, при этом не указывает в каком конкретно. А о своих связях с Францией и о знании французского языка вообще не указывает, может, из-за опасения быть арестованным за контрреволюционную деятельность как в далёком 1918 году. Но, тем не менее, в них есть и ценные сведения о рождении, местах работы и занимаемых должностях в те или иные годы.

19. Лицей Галатасарай — наиболее престижное и старое учебное заведение Турции. За более чем пять веков существования в его стенах прошли обучение многие известные государственные деятели и представители интеллектуальной элиты страны. В 1481 г. султан Баязид II открыл здесь филиал Дворцовой школы Топкапы, назвав его Дворцовой имперской школой в Галате. По легенде первым руководителем школы стал некий Гюль-баба (Gül Baba – отец роз), шейх ордена Бекташи, на досуге любивший разводить розы красного и жёлтого цвета (с тех пор фирменные цвета этого учебного заведения и футбольной команды).

Султан Абдул-Азиз после своего путешествия в Европу (1867), находясь под сильным впечатлением от европейской системы образования, основал (1868) по образцу французских лицеев на базе Дворцовой школы Султанскую школу Галатасарай. С отменой султаната и провозглашением Республики Турция (1923) название школы изменили на Лицей Галатасарай. Занятия в лицее ведутся на французском и турецком языке, а диплом соответствует французской степени бакалавра и позволяет поступать в любой университет Франции без экзаменов. Лицей прославился в Европе и своей футбольной командой Galatasaray, основанной в 1908 г.

20. Янычары (от турецк. *enî serî* — "новые войска") — регулярная пехота Османской империи; существовала с 1330 по 1826. Раз в несколько лет султан объявлял в своих балканских провинциях, населенных преимущественно христианами, набор мальчиков и юношей на государственную службу. Брели чаще всего детей в возрасте 6-7 лет. Существовали специальные квоты для каждой общины — единственных сыновей в семье никогда не брали. Специальные чиновники отбирали здоровых и смышлёных мальчиков, которые казались им наиболее перспективными. Рекруты, набранные таким образом, никогда не возвращались домой. Их привозили в Стамбул, где первым делом обращали в ислам. Наиболее одарённых отправляли в специальную закрытую школу при султанском дворце. Там им давали блестящее образование — турецкий, арабский и персидский языки, мусульманская теология и право, история, география, литература, основы математики и медицины, одновременно — обширный курс физического развития, верховая езда, владение всеми видами оружия. Те из них, кто проявлял себя лучше других в процессе обучения, становились в дальнейшем чиновниками и администраторами, доверенными слугами и советниками султана. Самые талантливые могли подняться до высшего пика карьеры на султанской службе — должности Великого Визиря. Другие по окончании обучения шли служить в элитные кавалерийские полки султанской гвардии. Наконец, те рекруты, которые с самого начала не попали в эту привилегированную категорию, отправлялись на несколько лет на сельскохозяйственные работы в окрестностях столицы, чтобы укрепить тело и помочь им как следует освоить турецкий язык, после чего проходили интенсивную военную подготовку и становились солдатами элитной пехоты — знаменитого янычарского корпуса (*yeni serî* — «новое войско» по-турецки).

21. Скорее всего это был Стамбульский университет — один из старейших университетов Турции, основанный в 1453, до XX века являлся мусульманской высшей школой. После провозглашения Турецкой Республики (1923) реорганизован (1927 и 1933) и стал светским. Наряду с различными факультетами в нём был богословский факультет, где мой дед мог получить педагогическое и теологическое образование. После закрытия в 1933 г. богословского факультета в университете оставалось пять факультетов: медицинский, юридический, экономический, естественно-математический, филологический, позже был открыт факультет лесного хозяйства. Географического факультета, который обозначен в личном деле деда, не существовало.

22. А может быть, он получил высшее образование в Париже и Турции, но опять-таки скрыл это по известным причинам.

23. Эту должность прадед занимал 33 года с 1882 по 1915 гг.

24. РГАВМФ Ф. 920, оп. 7, д. 578, л. 50.

25. РГАВМФ Ф. 920, оп. 7, д. 578, л. 51.

26. РГАВМФ Ф. 920, оп. 7, д. 578, л. 53, 53об.

27. РГАВМФ Ф. 920, оп. 7, д. 578, л. 52.

28. РГАВМФ Ф. 920, оп. 7, д. 578, л. 47.

29. РГАВМФ Ф. 920, оп. 7, д. 578, л. 73.

30. А. Г. Зарубин, В. Г. Зарубин. 1918 год в Крыму: большевики приходят к власти // "Историческое наследие Крыма" — 2006. — № 16. <http://www.commonuments.crimeaportal.gov.ua/rus/>

31. См.: там же.

32. *«Там мы имели большой фруктовый сад. Мимо него протекала река. Самое лучшее незабываемое время нашего детства прошло здесь. С утра до вечера мы шлепали по саду, плавали в реке, ловили лягушек, иногда засыпали между травами. Вечером приходили домой, мама купала нас, кормила и укладывала спать...»*, — так пишет в своем письме папин младший брат. Это были самые частые воспоминания и моего отца.

33. Журнал "Историческое наследие Крыма", № 16, 2006.

34. "Ленин байрагы" ("Ленинское знамя"), республиканская газета Узбекской ССР на татаро-крымском языке. Издаётся с 1957 в Ташкенте. В 1991 году переехала в Симферополь и переименовалась в "Янъы Дюнъя" (так называлась газета, выходившая в Крыму до войны).

35. Османов Сейтумер Османович (1907-2007), заслуженный деятель науки Узбекистана и Каракалпакстана, доктор биологических наук, участник Второй мировой войны.

36. В 1941 году старший сын (мой папа) находился в армии. Второй сын (Сервер) Сергей (1922-1942) был призван чуть позже и погиб в 1942 году. Третий сын (Камиль) Ким (1925 – 1997) был отправлен в октябре 1941 года вместе со своим ремесленным училищем на учёбу в уральский г. Серов, откуда убежал и с большими приключениями добрался домой в марте 1942 года.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. *В. В. Крестянников*. Демократизация Черноморского флота в 1917 году и события 23 февраля 1918 года в Севастополе. [сайт] www.gosarhiv.sev.net.ua
2. Мечеть. [сайт] www.sevportal.com.
3. Мусульманское военное духовенство: состав, порядок избрания и утверждения (конец XVIII – начало XX вв.) // Гасырлар авазы - Эхо веков. – 2005. – № 1.
4. Севастопольская мечеть. new-sebastopol.com.
5. Сейдамет Джафер (Крымэр). «Bazı hatıralar». Некоторые воспоминания // Полуостров.– 2009. – 9-15 янв. [сайт] www.millifirka.org.